

Наши педократы

Сергей Сыромятников

Опубликовано впервые: «Россия», № 2211, 27 января 1913, с. 2

Много лет тому назад, до войны и «освободительного» движения, я писал по поводу студенческих беспорядков, о начале в России эры педократии, детовластия, правления детей. Мне принадлежит и введение в литературу этого термина. Во время смут педократия спустилась из высших учебных заведений в средние, и в последней думской речи Министра Народного Просвещения мы находим картину развития кружков педократов в наших гимназиях и реальных училищах, которому, надо надеяться, теперь положен конец.

Дети не виноваты, что мечтают о социал-демократической республике, но виноваты те, кто на место этих мечтаний не внедряет в них здравые общественные и государственные понятия, кто не учит их тому, что исторически создалось во всем мире, как основа общественной и государственной жизни. Так всегда бывает, что, если законные учителя не дают детям тех сведений, которые их интересуют, их будут снабжать этими сведениями лжеучители.

Государственного и общественного образования русская школа не дает, ибо весь курс ее гуманитарный, т. е. общечеловеческий и отвлеченный от нашей жизни. Ссылки же на родителей едва ли основательны. Я думаю, что и теперь уже больше половины детей, учащихся в государственных школах, происходит от совсем необразованных или полуобразованных родителей, которые никаких точных знаний и понятий, кроме своего жизненного опыта, своих обид и тревожений ради куска хлеба, передать детям не могут.

Наше просвещение идет не по определенным этапам, а скачками. Между русскими отцами и детьми такие пропасти, каких нет ни в каких других странах, где просвещение развивалось медленно, где обществу не приходилось догонять другие народы, далеко ушедшие вперед по пути просвещения. Наши закрытые учебные заведения, женские и военные, образовались из необходимости «создать новую породу людей», перескочить через пропасть между отцами и детьми, через два-три посредствующих поколения, которые, при естественном порядке вещей, должны бы были накопить необходимую культуру.

Теперь гражданских закрытых учебных заведений у нас почти нет, и дети только учатся в школе, а воспитываются в семье. Развал и

некультурность русской семьи всем известны. Из семьи развал переходит в школу, и гимназисты считают для себя необходимым устройство социал-демократической республики, или, как говорили в пятидесятых годах, нового строя на началах безначалия.

Очевидно, если в старших классах гимназии читают краткий курс христианской апологетики, то надо читать и краткий курс апологетики государственной и общественной, из которого дети получили бы ясное представление, почему глупы и наивны те идеалы, на осуществление которых их толкают пропагандисты. Ибо ведь не только сила, но и правда на стороне нашей государственности и общественности, и эта правда не раз уже спасала государство от попыток тушинцев, шпыней, разинцев и пугачевцев устроить черный передел.

Я совсем не думаю, что можно в школе всех прощать и никого не наказывать. Но наказание предполагает нарушение всем известного и несомненно разумного требования или правила. Есть, конечно, дети обозленные и умственно вывихнутые, которых не переубедить и которые идут твердым шагом на виселицу. Но в 1905 г. старосты одной из петербургских гимназий предъявили требования о всех свободах, четыреххвостном избирательном праве и, вместе с тем, о брюках из диагонали. Когда их спросили, причем же тут брюки, они резонно ответили, что пансионеры той же гимназии примкнули к ним только тогда, когда те обязались поместить в число требований о свободах и требование брюк из диагонали.

Это обстоятельство и указывает, как наносны были требования свобод. Они были принесены из дому. Мальчики-пансионеры, жившие в закрытом учебном заведении, мечтали о более реальном – о красивых брюках.

Когда старосты этой гимназии выработали все необходимые им свободы, они решили сдать гимназию народу. Для этого они вышли на улицу и приглашали народ прийти и владеть ими. Но прохожие отказались от этого. Это было их первым разочарованием на пути к народоправству.

Когда двое из старост этой гимназии поступили в университет, их мать, прекрасная и умная женщина, рано потерявшая мужа и содержавшая двоими трудами детей, со слезами умоляла их не принимать больше участия в политической жизни. Дети не без борьбы дали ей слово и благополучно кончили курс. Но во всех ли семьях есть такие матери?

Наши левые говорят, что если дети требуют социал-демократической республики, то следует ее устроить, и тогда дети

успокоятся. Мужики прежде выставляли баб вперед во время бунтов, в надежде, что войска в баб стрелять не будут. Теперь выставляют вперед юношей и детей. Такова подлость революции. Но из этого не значит, что общество и учебный состав могут безучастно относиться к совращению молодежи и спокойно отдавать совращенных, как говорила древняя церковь, в руки градских судов.

У нас есть образец учебных заведений, которые воспитали нам сотни тысяч здоровых людей, заведения эти – кадетские корпуса. Я совсем не говорю о милитаризации образования, о придании ему военного характера, я говорю о значении закрытых учебных заведений в то время, когда большинство отцов ничему хорошему детей научить не могут, когда в семье пала дисциплина. Мы изумляемся английской молодежи, ее дисциплинированности и патриотизму. Но эту дисциплинированность и этот патриотизм дают ей закрытые учебные заведения с высоким уровнем преподавания и с постоянным и бдительным надзором за учащимися.

«Мы все учились по-немногу, чему-нибудь и как-нибудь», но те, кто имел счастье научиться в семье хорошим правилам и твердому поведению, кто имел в школе умных и сердечных начальников, – те честно несли трудовой подвиг жизни. Я учился в самой классической из всех классических гимназий России, в гимназии здешнего историко-филологического института, и не могу без чувства глубокой благодарности вспомнить имена таких светлых людей, какими были наш директор и преподаватель греческого языка К. Ф. Нейлисов, учитель истории М. А. Адрианов, учитель латинского языка Мусселиус. Но нас кончило 10 человек из 80, поступивших в первый класс, а это такой жестокий отбор, который теперь не мыслим. Я поступил в пятый класс, и четыре года в филологической гимназии были самыми трудными годами всей моей жизни. Но зато и до сих пор я читаю с удовольствием латинскую и греческую книгу, а в моих путешествиях мне приходилось на практике решать тригонометрические задачи для определения расстояний и высот. Все, чему нас учили, неизгладимыми чертами залегло в памяти. А это значит, что школа была хорошая, хотя ее требования были слишком высоки для среднего русского мальчика при наличии многолюдных классов, когда учитель не может заниматься с каждым учеником в отдельности.

Но зато теперь и дети стали гораздо развитее и острее, чем были в мое время, ибо между ними и мною прошли почти два поколения, а Россия девяностых годов, когда они родились, совершенно непохожа на Россию начала шестидесятых, когда я родился. Деревенское

воспитание дало мне реальное мышление, которого не дает город. И с тех пор, как я пишу в газетах, я стараюсь проводить мысль о закрытых средних школах, расположенных в деревенских усадьбах, которые дали бы нам здоровую и дисциплинированную молодежь, знающую и любящую родную природу и сельский быт, который весь отрицает революцию и требует постоянной эволюции, постоянного и упорного мирного развития.

Мне скажут, что осуществление этих мечтаний стоит больших денег, что такие школы возможны в богатой Америке и невозможны в бедной России. Я думаю, что это не верно, и что средние школы и даже отдельные факультеты с общежитиями в окрестностях городов при желании можно бы было завести. Городская культура, т. е. то, во что вылилась она у нас теперь, губит нашу молодежь и физически, и нравственно, и умственно. Не зная народной жизни, она увлекается мечтами перестроить и ее, и нашу государственность. Не зная медленной эволюции природы, она радикальна. Живя в кипящем городском котле взбаламученной жизни переходного времени, она вносит в школу вредную нервность, впечатлительность и ходячие отрицания, выхваченные из левых газет и вынесенные из разговоров старших.

В такие школы-общежития можно бы было брать за высокую плату желающих и бесплатно талантливых бедных детей из разных школ при желании их родителей. Ибо государство обязано из всех слоев общества отбирать все лучшее и талантливое и давать способной молодежи не только хорошее образование, но и воспитание. И теперь талантливая и сильная молодежь пробивается кверху, но культура наша падает, ибо хорошее воспитание стало уделом немногих. Это заметно на нашей литературе, на искусстве, даже на науке. Радикализм и демократический деспотизм всегда бывают следствием плохого образования. Ибо открытие своим умом давно открытых Америк всегда дает человеку самонадеянность, самовлюбленность и горделивое презрение к инако мыслящим.

Быть ли России русской, победить ли ей в международной борьбе, догнать ли Запад или всегда стоять на запятках его колесницы культуры – все это зависит от образования и воспитания русского народа, и вопросы русской школы суть насущные вопросы не одних учителей и ведомства народного просвещения, а суть основные вопросы, которые должны тревожить совесть каждого русского человека. Образование долго было у нас вопросом службы и куска хлеба, но из лично утилитарного оно сделалось вопросом национальным, вопросом самого существования Империи между двумя наиболее культурными странами мира:

Германией и Китаем. При огромном развитии нашей промышленности и торговли полуинтеллигенция найдет применение своему труду, все равно, снабжена она дипломами или нет. Правительство найдет достаточно чиновников, выдержавших такие экзамены, которые будут для них установлены. Но русская общественность, русское народное представительство, наука, литература, искусство, то, что в сумме дает понятие национальной культуры, создается только правильным подбором талантов и национальным их воспитанием. И если государство не будет давать такого воспитания, то его будут брать помимо государства из источников мутных и во всяком случае противонародных, на что толкает нас могущественная еврейская интеллигенция, против которой мы пока показываем только кулак, а помощью его, однако, безнадежно сражаться с идеями.

Огромный народ, который создал великую и светлую Царскую власть, защитницу бедных и угнетенных, который создал великую историю, полную подвигов славы и самопожертвования, который дал миру множество святых, преподобных Христу, который объединил сотни народов, дал им чудесный язык, литературу, науку, искусство, – теперь, как нищий, не знающий о своих сокровищах, протягивает руку к чужим за духовную пищу, питается откровениями Маркса, Бебеля и Розы Люксембург, заявляет о своем духовном банкротстве через представителей своей интеллигенции, только потому, что интеллигенция эта не знает и не хочет знать русской истории. Более печального зрелища духовного оскудения трудно найти в истории. Не надо Церкви, ибо мы ее не знаем, Не надо государственности, ибо для нас темно и непонятно ее происхождение, не надо науки, ибо Ломоносов, Лобачевский, Менделеев, Бугаев, Чебышев, Попов, Павлов мирились с существовавшим строем. Не надо литературы, ибо Пушкин был камер-юнкер, Лермонтов – лейб-гусар, Тургенев – богатый помещик, Майков и Полонский – цензора иностранной цензуры. Разве это не жалкое самонезнание, самоотрицание, невежество и нищета духа?

Лечить от этой болезни духа может и должна школа, познакомив своих питомцев с тем, что такое Родина, с ее величием, с ее сокровищами, с ее добродетелями. Каждый учитель, проникнутый любовью к родине и не зараженный малодушием отрицания, будет уже целителем народного духа через своих питомцев. Я далек от мысли о необходимости закрывать глаза детей на наши недостатки, на язвы нашей народной жизни. Но каждый должен воспитываться в вере, что язвы эти могут и должны быть излечены общими усилиями людей доброй воли и чистой совести. Преодолевающего зла нет, иначе земля

давно бы стала огромным кладбищем для перемершего человечества. Каждый может развить в себе силы для мирной борьбы со злом и для усовершенствования жизни и каждый может найти себе поддержку в хороших людях, одинаково идеально с ним настроенных.

Вот без этого доброго идеализма национальная школа обойтись и не может. Без духовной свободы нет и национального воспитания. И «добрый старый учитель», которого через много лет вспоминаешь с умилением и благодарностью, никогда не был сухим формалистом, отбывающим положенное число недельных уроков. Связующим звеном между ним и его учениками всегда была любовь, благожелательность, понимание и прощение. Педагогия не есть работа одного ума, как наука или адвокатура. Она, гораздо больше, есть работа сердца.